

ГЕКТОР ШУЛЬЦ

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2023

ЛОНГ-ЛИСТ

Литрес

Гектор Шульц

Семья

Серия «Красная обложка», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69208855

SelfPub; 2023

Аннотация

"Меня зовут Настя и мама меня ненавидит". Так начинается эта история... Жизнь Насти – это бесконечная череда наказаний, издевательств и унижений, которым девочку подвергает жестокая и деспотичная мать. Сможет ли забитый и искалеченный ребенок найти в себе силы, чтобы противостоять жестокости, или её душу безжалостно растопчут те, кого она считает своей семьей?

Содержание

Глава первая. Настя.	4
Глава вторая. Семья.	30
Глава третья. Изменения.	59
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Гектор Шульц

Семья

Глава первая. Настя.

– Насть! Братьев покорми!

Громкий крик мамы заставил меня вздрогнуть и поспешно убрать тетрадь в стол. Я давно научилась понимать по интонациям её голоса, что произойдет в ближайшее время. А если она найдет тетрадку, то мне конец. Однако годы, прожитые вместе с ней в одних стенах, научили хитрости и осторожности.

У моего ящика было двойное дно. Сделала, пока мама с отчимом были на рынке, а мелкие в школе. Помимо моей тетрадки с мыслями там лежало немного денег, накопленных за время подработок, пара писем от Ваньки из деревни и мои кассеты с музыкой. Музыку тоже приходилось прятать, как и все, что маме «не нравилось»...

– Настя, блядь! – на этот раз крик куда громче. Визгливее. Страшнее.

– Настя – блядь. Настя – блядь, – ехидно повторил влетевший в комнату Матвей. А следом за ним в дверном проеме появился и Андрей. Мои братья.

– Насть, кушать хочется, – тихо буркнул Андрей, а Матвей, подойдя ко мне, гадко улыбнулся и резко схватил за грудь, сдавив так сильно, что в глазах набухли слезы. Я сдержала и крик, и удар. Стоит поднять на него руку и мне придется простоять в углу на коленях пару часов, а то и больше, если мама не в настроении.

– Пошли, – поморщилась я и, помассировав грудь, подтолкнула Андрея в сторону выхода из комнаты. Матвей уже умчался на кухню, чему я была только рада.

Ну а на кухне меня ждала мама. Она сидела за столом, разгадывала кроссворд и пила кофе. Когда я вошла, она даже не подняла на меня взгляд, зато улыбнулась и ласково потрепала по голове Матвея, который прильнул к её бедру.

– Кушать хочешь, сына? – спросила она. Брат кивнул, и мама наконец-то на меня посмотрела. – Ну! И чего стоишь? Забыла, где суп лежит?

– Помню, мам, – тихо ответила я, подходя к холодильнику. Открыв его, я с трудом вытащила огромную кастрюлю горохового супа, которую водрузила на плиту. Механизм кормления братьев был отработан годами, и я могла бы проделать все это с закрытыми глазами, не разлив ни капли супа. Зажечь конфорку, поставить на нее большую металлическую тарелку с холодным супом, через пять минут помешать, еще через три минуты попробовать и снять с огня. Потом нарезать хлеб, разлить суп по тарелкам и усадить братьев за стол. Младшенький всегда обедал без капризов, а вот

с Матвеем приходилось возиться. Гаденыш, казалось, только и ждал, чтобы устроить мне очередную пакость. То швырнет в меня подмоченным хлебом, то тайком плеснет суп на пол, а пока я вытираю лужу, стукнет ложкой по голове. Стоит огрызнуться, как он сразу начинал ныть, а дальше по классике: мама размахивается, моя голова трещит от удара, во рту металлический привкус, а в глазах блестят слезы.

– Чайник поставь, – добавила мама, когда я усадила братьев за стол. Матвей скорчил мне рожу, но я равнодушно хмыкнула и повернулась к плите, услышав, как она уговаривает брата скушать ложечку. Со мной так не нянчились. – Давай, Мотя. Кушай. Будешь большой и сильный космонавт.

– «Психопатом он будет», – подумала я, ставя чайник на огонь. Затем повернулась к маме и спросила: – Что-то еще надо, мам?

– Уроки сделала?

– Да.

– Полы помыла?

– Да.

– Отец придет, одежду его постирать не забудь, – чуть подумав, сказала она. Я кивнула и ушла из кухни, пока еще чем-нибудь не озадачили. Отчим придет с работы в семь вечера, а значит можно доделать алгебру. Маме нельзя говорить «нет» – это я уяснила давно, поэтому на все вопросы отвечала «да». Но так было не всегда.

Вернувшись в комнату, я снова вытащила тетрадку из тай-

ника. У многих в детстве был дневник, и я не исключение. Правда мой дневник разросся до трех тетрадей, каждая по девяносто шесть листов, зато полностью вмещал всю мою жизнь. Почти всю, конечно. В первом воспоминании, которое я записала в тетрадку, мне было семь лет. Первый раз, когда мама подняла на меня руку.

– Сука! – рывкнула она и, размахнувшись, вlepила мне подзатыльник. Рисунок, лежащий на столе, расплылся и на бумагу упали слезы. – Это что?

– Паровозик... – жалобно протянула я, пытаюсь вытереть слезы с листа бумаги. Получилось плохо, поэтому следом прилетел второй подзатыльник. Рука у мамы была тяжелой.

– Вот рисунок в книжке! – слюни летят мне в ухо, но я, не замечая их, сторбилась, ожидая еще одного удара. – Это паровозик! А у тебя, прости Господи, хуйня какая-то! Дебилы рисуют лучше!

Подзатыльник. Слезы. Рисунок, превращающийся в мокрое, размазанное месиво. Утром учительница спросит, почему рисунок такой мятый. Я совру и отвечу, что пролила воду. Врать я буду часто. Учителям, друзьям и себе. Себе врать больше всего, но и эта боль со временем притупляется.

Я нарисовала еще пять паровозиков, но маме ни один из них не понравился. Голова гудела от ударов, глаза чесались и покраснели, а рисунки, все как один: мятые, влажные и

некрасивые. В итоге решено было оставить первый паровозик, которому досталось сильнее всего: сопли, слюни, слезы. Еще и безуспешные попытки от всего этого избавиться.

Но мама не успокоилась. Она заставила меня два часа писать имя и фамилию в черновике, пока буквы не стали ровными и красивыми. Затем я подписала рисунок, пусть и вздрагивая изредка, ожидая еще одного подзатыльника и крика «сука». Но так тоже было не всегда.

Когда мама была в настроении, она рассказывала мне о детстве. Моём детстве. Порой улыбалась, когда вспоминала, как папа приезжал забирать её и меня из роддома. Но её голос грубел сразу же, стоило перейти к моей нелюбимой части. Когда ушел отец.

Нет, он не умер. Просто ушел. Одним январским утром собрал вещи, покидал их в чемодан и, оставив на кухонном столе клочок бумаги с запиской, исчез из моей жизни. В Грязи много таких: брошенных, одиноких и озлобленных.

Мама поменялась не сразу, а может я просто ищу ей оправдание. Сначала были попытки осознать, подстроиться и начать жить дальше, но они в итоге сошлись к тому, что мама до утра сидела с тетей Таней, нашей соседкой, на кухне. Они звенели стаканами, иногда смеялись, а утром маме всегда было плохо. Тогда я не понимала, что происходит. Понимание пришло гораздо позже.

Сначала мама просто огрызалась на мои вопросы. Могла

обругать, но никогда не била. Не знаю, чем её так взбесил мой паровозик, но она словно с катушек слетела. А я плакала и не понимала, что сделала не так.

– Можно и лучше сделать, – фыркнула мама, когда я подписала рисунок и убрала его в портфель. Я ничего не ответила. Просто кивнула и пошла умываться. Ну а увидев себя в зеркале в ванной, снова разревелась. На этот раз тихо. Мне еще не раз придется плакать тихо, чтобы мама не услышала. Потому что, если живешь в Грязи, то должен быть сильным. Не важно, пацан ты, или девчонка.

Грязь – это не город, хотя я бы поспорила с этим утверждением. Грязь – это район города, в котором я живу. Не самый плохой, есть еще Речка и Окурки, куда даже днем забредать не рекомендуется. Во времена Советского Союза туда ссылали химиков, дебоширов, хулиганов и прочую шпану. В Грязи этого добра тоже хватало, но, по крайней мере, днем можно было гулять относительно спокойно. За исключением весны. В это время года Грязь словно с ума сходила. Отовсюду вылезали онанисты, наркоманы, буйнопомешанные и им подобный сброд. Однажды я шла со школы через парк и увидела, как в кустах стоит странный мужик. Он, не мигая, смотрел на меня и дрожил. Я испугалась, помчалась домой со всех ног, а когда влетела в квартиру, то увидела, что мама трясется на кровати, сидя на тощем мужике. Вместо сочувствия и помощи я получила кулаком по скуле, а потом еще три дня не могла нормально сидеть, потому что жопу неплот-

хо так исполосовали ремнем, когда мужик ушел и мама сорвала свою злость на мне.

Со временем я привыкла к странным обитателям Грязи. Извращенцы в парках больше не пугали, местные наркоманы обходили стороной, стоило схватить с земли камень и злобно на них рывкнуть. Конечно, были и исключения, но в целом Грязь не самое плохое место для жизни, если смотреть на другие районы.

Мы жили в неплохом месте, как мне казалось. Рядом с домом был парк, а через сто метров от него небольшой пруд, в котором когда-то водились утки. Уток в начале девяностых сожрали бомжи. Мы с Катькой, моей подружкой, жившей по соседству, видели, как они ловят пернатых, потом ловким движением сворачивают им шею и суют в мешок.

– Хочешь жить – умей вертеться, – философски ответила тогда Катька. У неё всегда была наготове какая-нибудь умная мысль, чем Катька постоянно пользовалась. Такая мелочь, как утки, её не волновали, что она успешно доказала, вернувшись к игре в «классики».

Я любила гулять по нашему парку, любила сидеть под покосившейся ивой на берегу пруда. Не смущал меня даже каркающий мужик, бегающий голым на другом берегу. На районе и не такое бывает, да и пруда куда спокойнее, чем дома.

Папа получил квартиру, как только переехал из Сибири на юг. Он знать не знал, во что превратится красивый рай-

он, поэтому, как и все остальные счастливики, просто радовался. Хрущевка по адресу: улица Ленинцев, дом восемнадцать, была копией других хрущевок, но выгодно выделялась тем, что окна одной стороны дома выходили на парк и на далекий пруд. Папе достался один из лучших вариантов. Угловая двушка, где кухня и гостиная с балконом выходят в парк, а комната во двор. Ну а когда я родилась, то комната, ожидаемо, стала моей. Правда, ненадолго.

Меня называли Настей, в честь отцовской мамы, которую я никогда не видела. Об отце у меня осталось только одно воспоминание. Он берет меня на руки, подкидывает вверх и заразительно смеется. От него пахнет сигаретами, железом и чем-то сладким. Приятный запах. Я помню его до сих пор.

От отца мне достались глаза – большие и голубые, а также нос и губы. Мама частенько упоминала это, когда была не в настроении. Когда я была маленькой, то её слова меня расстраивали, а потом стало плевать. Как и на многое другое.

– Сучьи глаза, – ворчала она, смотря на меня сверху вниз. Я молчала, потому что знала – скажу слово и последует удар. Иногда молчать было легко, а порой невыносимо. Слезы застилали глаза, но слезы лучше боли. Да, рука у мамы была тяжелой. – Нос жидовский. Моего ничего нет...

Поначалу меня это оскорбляло, а потом я стала этому радоваться. Больше всего на свете я боялась стать похожей на мать. Как внешне, так и внутренне.

– Да, Настюх, мамка у тебя та еще гнида, – качала голо-

вой Катька, если попадала на концерты, которые устраивала мама, а их она устраивала постоянно. Я, конечно, вскидывалась, оскорблялась, но Катька махала рукой, ехидно улыбалась и добавляла. – Скоро в подвал тебя посадит. На цепь, как псину безродную.

– Ничего не посадит, – тихо отвечала я, однако в душе такой уверенности не было. Кто знает, что придет маме в голову в следующий раз.

Катька Сухова – моя лучшая подруга. И единственная. Мы жили в одном доме, только я на четвертом этаже, а Катька на втором. Это не мешало нам протянуть нитку, по которой мы обменивались записками, когда родители ложились спать.

С Катькой я познакомилась в семь лет, когда ко мне на улице пристал странный мужик. Он постоянно щурился, тер нос и предлагал мне конфету, если я ему кое-что покажу в подъезде. Лицо у него было серым, словно всю кровь откачали, а губы – мокрые и мерзкие, паскудно улыбались. Тогда я была наивной и верила людям, поэтому с радостью согласилась, не испугавшись откровенно ублюдской рожи. Мама меня конфетами не баловала, а тут дядька предлагал целую горсть долгоиграек. Настоящее богатство для девчонки моего возраста.

Понятно, что конфет я не получила. Дядька зажал меня в углу, у спуска в подвал, а потом расстегнул штаны. Хорошо

хоть трусы спустить не успел. А все из-за соседской девчонки, которая в этот момент спускалась по лестнице с пакетом черешни. Она на миг замерла, перехватила мой испуганный взгляд, а затем нахмурила брови. Не испугалась, не заорала, не заплакала. Просто нахмурилась и сжала кулачки.

– Мой папка тебе пизды ща даст, – дерзко сказала она, без страха смотря на мужика. – Вчера он одного такого поймал, а потом палкой ноги сломал.

– Что? – переспросил мужик, ничего не понимая. Я боялась лишний раз двинуться, поэтому с мольбой уставилась на девчонку. Та сделала шаг в нашу сторону и изогнула бровь.

– Я ща заору, и он выскочит. Вон из-за той двери. Выскочит и отпиздит тебя до кровавых ссак, – девчонка указала пальцем на обитую дерматином дверь. Я знала, что она врет. Там жил не её отец, а полупарализованная бабка, которую я жутко боялась. Бабка частенько стояла в дверном проеме, когда я возвращалась с улицы и, страшно завывая, пыталась что-то сказать. Мама говорила, что она когда-то была учительницей. Хотя, если бы она выскочила, дядька точно бы пересрался.

– Я... это... – мужик судорожно застегнул штаны на пуговицу и попятился к выходу из подъезда. Девчонка гадко усмехнулась, а потом набрала в грудь воздуха, словно и правда собралась орать. Мужик побледнел и, выбив плечом дверь, выскочил на улицу.

– Ссыкло, – буркнула девчонка и подошла ко мне. – Пойдем на улицу?

– Пойдем, – кивнула я, а потом виновато посмотрела под ноги. На полу расплылась лужа. – Я описалась.

– Высохнешь. Меня Катя зовут. А тебя?

– Настя.

– Ты же с четвертого, да? – спросила она. Я кивнула. – Понятно. Черешню будешь?

Худенькая, смуглая, белобрысая, с длинным носом и маленькими черными глазками, Катька тем не менее излучала такую силу, какой у меня никогда не было. Порой мне казалось, что это не я её встретила, а Катька сама решила появиться в моей жизни. Но я была не против. Дети нашего двора меня избегали. Из-за моей мамы. Та могла выйти на улицу, позвать меня, а потом на глазах у всех наорать, обозвать блядью и шалавой, и уйти домой, как ни в чем не бывало. Только Катька, впервые столкнувшись с моей матерью, смирila её внимательным взглядом, поджала тонкие губы и покачала головой. Она думала я не услышу, что она скажет, но я слышала. Короткое и грубое слово, которое я произнести никогда бы не решилась. «Сука».

Вместе с Катькой в моей жизни появились новые краски. Назвать Катьку неугомонной мало. Это был кролик из рекламы батареек, только вместо батареек у неё был портативный ядерный реактор. В восемь лет она избивала девчон-

ку из соседнего двора, когда та, проходя мимо, попыталась отобрать резиновый мяч. К Катьке тогда участковый приходил, да только не особо-то и помогло. В обиду себя Катька никому не давала. Мне порой казалось, что она ничего не боится. Ни наркоманов, ни извращенцев, ни наших старшаков, которые пытались на неё залупнуться. К тому же Катька никогда не мыслила, как ребенок. Она говорила по-взрослому, думала по-взрослому, вот только любила иногда подурачиться.

Именно Катька в восьмом классе посоветовала мне записывать свои переживания в дневник, а когда я попыталась отказаться, стукнула кулаком в плечо. Кулаки у нее были маленькие, жесткие и до одури болючие.

– Пиши, Настька, – сказала она мне как-то раз, когда мы сидели у пруда после школы. Катька курила, а я задумчиво смотрела на зеленоватую, пахнущую болотом воду. – Пиши о всей хуйне, что у тебя в жизни творится.

– Зачем? – попыталась отмахнуться я, бросая камушек в пруд, но Катька так просто не сдавалась.

– Блядь, Насть, – устало вздохнула она. – Seriously? Зачем? Ты себя давно в зеркало видела? У тебя ж круги под глазами, как у нарика. Синяки на руках. Ты, как тень, по школе ходишь, а после школы домой особо и не спешишь. Чо ты думаешь, я не знаю

– Так заметно? – с тоской спросил я. Катька, затянувшись

сигаретой, кивнула.

– Я хоть и давно у тебя дома не была, но что-то подсказывает, там все еще хуже стало. Отвечаю, если б твоя мамка меня не выгнала, я бы ей втащила.

– Ты Матвея ударила, – робко улыбнулась я, вспомнив, за что мама запретила Катьке появляться у нас дома.

– Ой, блядь. Ударила, – фыркнула она. – Этот гондон меня за сиську ущипнул, еще и ржать начал. Да и не ударила, а леща прописала. От леща никто не сдыхал еще. Тебя, либо, сильнее лупят.

Я промолчала, потому что Катька была права. Она прищурилась и посмотрела вдаль. На другом берегу пруда скандалили незнакомые нам алкаши. Один свалился в воду, заставив подругу сухо рассмеяться.

– Ты не думай, Насть, что я дура. Я все вижу и слышу, – тихо сказала Катька. – Бабки на лавке вашей семейке кости моют будь здоров. Мне-то со второго этажа все слышно. Еще и пидор этот мелкий, Мотя ваш. Поднимаюсь вчера домой, а он в ящики почтовые ссыт. Меня увидел и писькой вертеть начал. Ему сколько лет? Или он просто ебанашка?

– Наверное, – кисло улыбнулась я. – Только что мне твой дневник даст? Думаешь, от меня так просто отстанут?

– Не, – поморщилась Катька. – Но полегчает точно. Когда все говно на бумагу изливаешь, сразу на душе хорошеет. Помнишь, меня Сидорчук в том году попытался бросить? К Локтевой клеиться решил.

– Ага.

– Тяжко мне было. Ну я по наводке мамкиной подруги и начала дневник вести.

– Помогло? – спросила я. Катька чуть подумала и кивнула.

– Помогло. Но потом я Лёшке все равно пизды дала после школы. Ишь, блядь, удумал бросать меня. Вот тогда полегчало основательно. Но это я. У тебя другая ситуация.

– Если мама найдет дневник... – я не договорила и, побледнев, отвернулась. Катька все поняла, вздохнула и, сев на корточки, обняла меня.

– Родная, – прошептала она. – Чем я тебе помочь-то могу? Ну, хочешь мамке твоей бревном по башке дам, когда она вечером с магазина возвращаться будет?

– Нет, – рассмеялась я. Катька всегда могла поднять настроение. Грубыми шутками или простой нежностью, которой мне так не хватало.

– Нычку сделай, – хмыкнула она, закуривая еще одну сигарету. – Где дневник никто не найдет. Так и тебе спокойнее будет, и мамке твоей. И пиши, пиши, пиши. Может, потом в суд на них подашь. За это... как его... плохое отношение.

– Ты же знаешь, что не подам, – пожала я плечами. Катька снова кивнула.

– Ага. Знаю. Слишком уж сильно тебя поломали, родная. Вот и говорю – пиши. Пока не доломали окончательно.

– Попробую, – вздохнула я и, поднявшись с корня дерева, торчащего из земли, отряхнула джинсы. – Кать?

– Чего?

– Спасибо, – Катька скривила губы, потом обняла меня и легонько похлопала по спине. А я еле сдерживалась, чтобы не зареветь. Не получилось. Катька лишь кашлянула и обняла покрепче. Подруга, ближе которой у меня никого нет.

Вечером мама меня отпиздила. Не ударила. Не избила. Отпиздила. Как собаку, которая своровала кусок мяса. А виной всему порванные колготки.

Я сидела в своей комнате, читала «Ревизора» Гоголя, заданного по литературе, и не догадывалась, что тихий вечер обернется кошмаром. Два дня назад в школе была дискотека, куда я с трудом отпросилась и то, только на три часа. Мама запретила мне надевать юбку и колготки, обозвала «шалавой» и швырнула в меня джинсы. Я их ненавидела всей душой, потому что в джинсах приходилось ходить всюду. Школа, дни рождения родственников, магазин. И все время в одних и тех же джинсах. Катька уболтала меня спрятать в рюкзак юбку и колготки, чтобы переодеться в туалете, а я согласилась. Как оказалось, зря.

– Настя, блядь! Это что такое? – крик мамы заставил желудок болезненно сжаться, а сердце пустилось в галоп. Как и всегда, стоило ей повысить тон хоть немного. За дверью слышались её шаги и гаденький смешок Матвея, который от нее не отставал, если дело доходило до того, чтобы устроить мне взбучку.

– Мам... – я не договорила, потому что дверь распахнулась от сильного удара и в мою комнату влетела мама с перекосенным от ярости лицом. В руке она сжимала мои колготки и стоило увидеть их, как меня затрясло.

– Где ты порвала колготки? – тихо спросила мама, нависая надо мной. Я облизнула сухие губы и попыталась хоть что-нибудь ответить. Не получилось. Из рта вырвалось только малопонятное сипение. – Еще раз спрашиваю. Где ты порвала колготки?

– Я не знаю... – ответила я. Мама кивнула, потом растянула колготки и показала мне небольшую дырку. Закусив губу, я вспомнила, как ударилась ногой о парту на школьной дискотеке.

– Сука! – прошептала мама и схватила за сердце. Она часто так делала. Из-за её спины выглянул Матвей. На лице брата застыла ехидная улыбка, а глаза горели от радости. – Отец, значит, деньги тратит, покупает ей шмотки, а она вон что. Где шлялась?

– Нигде, мам. Правда, – я заплакала, но мои слезы её лишь сильнее раззадорили. Она зашипела и, схватив меня свободной рукой за волосы, потянула на себя.

– Шляешься, значит? Пиздой светишь? Шалава! – первый удар был неожиданным и неболезненным.

– Мам, не надо. Больно.

– Надо! Где ты шлялась, сука? Отвечай!

– На дискотеке была, – выдавила я из себя. Мама вздох-

нула, а потом принялась меня хлестать колготками. По лицу, по спине, по рукам. Не обращая внимания на стук соседей по батарее, на смех Матвея, который радостно гоготал позади нее, на мой крик. Отчаянный и жалкий.

– Шалава! Тварь! Сука! – приговаривала она после каждого удара. – Вся в папку своего. Кобелину! Гнида!

Она била сильно, широко замахиваясь, но удары колготками выходили не такими болезненными, потому что колготки были тонкими и почти невесомыми. Тогда мама стала бить ладонью и тут пришла боль. Жгучая и тяжелая. Я пыталась закрыться от ударов, вырывалась, просила перестать, но удары становились сильнее.

Когда же мама прекратила, то я еще какое-то время пролежала на кровати, свернувшись калачиком. Горели щеки, горели руки, горела спина. Я знала, что завтра выскочат синяки и придется снова идти в школу в водолазке с высоким горлом, чтобы их скрыть. Все это было уже не раз.

– Никаких тебе новых вещей, сука, – шумно дыша, сказала мама, швыряя в меня колготки. – Будешь в этих ходить. Хочешь штопай, хочешь выкинь. Но новых ты не получишь. Ишь, удумала. Дискотеки, сиськи-письки. Учиться надо, а не пиздой своей светить. Вон у Шиковых дочка... той еще блядью оказалась. Десятый класс, а дитя в пузе принесла. Какой теперь институт.

Я молчала, надеясь, что она успокоится и уйдет.

– Уроки сделала? – жестко спросила она. Я коротко кивнула, но маму мой ответ не удовлетворил. – Бегом в ванную. Умойся и назад. Проверю, что ты там сделала. Послали же мне шалаву, прости Господи.

– Хорошо, – тихо ответила я и, скользнув ужом, бросилась в туалет. Матвей помчался было за мной, но я успела закрыть дверь перед его носом и, упершись ногой в косяк, заплакала.

Спать я легла далеко за полночь. Мама не успокоилась, пока не проверила всю домашку. Дважды отвесила мне подзатыльник, заметив помарки в тетради по физике. И в качестве наказания заставила учить стихотворение. Правда, когда я его выучила и подошла к ней, то последовало стандартное:

– Выучила?

– Да, мам.

– Спать иди.

Я никогда не рисковала. Если она говорила учить стихотворение или отрывок из текста, то я старательно учила. Иногда могла учить всю ночь, а утром получала все тот же ответ. И пусть она никогда это не проверяла, я почему-то знала, что стоит мне раз схитрить и не выучить, как она обязательно проверит. И тогда снова боль, слезы и беззвучный крик в подушку, которого никто не услышит.

В школе я Катьке и словом не обмолвилась о колготках и ночной проверке домашки. Но что-то мне подсказывало,

что Катька знает. Она молчала, а когда смотрела на меня, то всегда закусывала нижнюю губу, словно раздумывая – лезть или не лезть. Лишь взглядом скользнула по водолазке и, ставив тетрадь по физике, принялась скатывать домашку.

– Как ты здесь хоть что-то понимаешь? – фыркнула она, возвращая тетрадь. – Все эти формулы, цифры... Еще и Шептун так говорит, что хуй поймешь, что он вообще сказать пытается.

– У меня выбора нет. Я должна понимать, – тихо ответила я, убирая тетрадь в сторону. Катька кивнула и, посмотрев на Шептуна, нашего учителя физики, помотала головой.

– Херово, что выбора нет. Выбор он у каждого должен быть. Особенно у тебя, родная.

– Соловей! Сухова! Закончили разговоры, – перебил её учитель. Катька льстиво улыбнулась, но, когда Шептун отвернулся, показала ему средний палец, вызвав смешки у соседних парт.

На большой перемене мы с Катькой пошли на улицу. Катька, чтобы покурить, а я, чтобы просто подышать свежим воздухом. Правда, завернув за угол, мы столкнулись со старшаками из нашего класса – Кислым, Лимоном и Митяем.

Они, не обращая на нас внимания, прессовали школьного изгоя – Стасика Белоусова. Стасик – тихий и неконфликтный – частенько становился их жертвой, да и параллельные классы тоже порой подключались.

– Ты, таракан ебучий, – грубо рывкнул Митяй, хватая Белоусова за грудки. Катька говорила, что Стас и правда похож на таракана – рыжий, тощий, с длинными руками и ногами. Я же видела всего лишь забитого мальчишку, в глазах которого плескался ужас. – Хули ты мне калькулятор не дал? Если я парашу словлю, я тебя отхуюрю, отвечаю.

– Батарейка села, – тихо попытался оправдаться Стасик, но старшаки его не слышали. Вернее, не захотели услышать. – Правда села.

– Пиздит, – заявил Кислый, двинув Стасу в плечо кулаком. – Я видел, как он щелкал по кнопкам.

– Я правду говорю, – голос у Белоусова дрожал, а я, на миг остановившись, вдруг увидела в нем себя. От внимания Катьки это тоже не укрылось. Она вздохнула и, подойдя к Митяю, положила тому руку на плечо.

– Чо доебались до него?

– Тебе не похуй, Сухова? – не оборачиваясь, спросил Митяй. Крупный, короткостриженный, с прокуренным голосом, он пугал меня. Грубостью, силой и злобой, которая бурлила в нём.

– Не похуй, раз спросила, – в голосе Катьки прорезался металл и Митяй, ехидно улыбнувшись, отпустил Белоусова, после чего повернулся к нам. Он возвышался над Катькой, как настоящий великан, но её это не пугало. Её вообще ничего не пугало.

– Калькулятор, сука, зажал, – рассмеялся Митяй. Кислый

и Лимон синхронно кивнули, подтверждая слова вожака. Но Катька хмыкнула и повернулась к Стасу.

– Дай, – тот понял все без лишних слов и, покопавшись в пакете, вытащил оттуда старенький калькулятор. Катька нажала пару кнопок, поджала губы и с вызовом посмотрела на Митяя. – Ну? Не пашет он.

– Блядь, Сухова, – дернул плечами Митяй. Он, как и многие, почему-то тушевался перед Катькой, а я откровенно завидовала её храбрости и наглости. – Тебе реально объяснять надо?

– Отвали от него, Мить. Ну, правда. Заебали пацана, – тихо бросила Катька. Митяй вздохнул, посмотрел ей в глаза и махнул рукой. Затем повернулся к белому, как мел, Белоусову и сказал:

– Чеши, баклан. Бабам за тебя заступаться приходится.

Стас кивнул и, схватив дрожащей рукой калькулятор, вприпрыжку помчался ко входу в школу. Митяй правда быстро потерял к нему интерес и снова повернулся к Катьке.

– Чо, Сухова. Может погуляем как-нибудь?

– Может и погуляем, – задумчиво ответила та и взяла меня за руку. – Пойдем.

Тогда я еще не знала, что Митяй к десятому классу превратится в настоящего уродца, а бедному Белоусову придется прятаться от него по всей школе. Не знала и Катька, но, как и всегда, быстро свела все воедино. И Стаса, и мой испуганный вид, и черную водолазку.

– Чо случилось? – коротко спросила она, когда мы зашли в укромный уголок за школой, где можно было курить без риска запалиться.

– Ты о чем?

– Насть. Я серьезно. Чо случилось? – вздохнула Катька, закуривая сигарету. Чуть подумав, я осторожно оголила предплечье и показала ей внушительный синяк. Катька в ответ присвистнула, выпустила дым в небо и покачала головой. – Пиздец.

– Ага, – согласилась я.

– А я думаю, чего тебя так повело при виде Белоусова. За что?

– Колготки порвала.

– Ты или она?

– Я. На дискотеке, – устало ответила я.

– Сука, – буркнула Катька. – Из-за колготок так отхуярить... Насть, это нездоровая хуйня. Ты же понимаешь?

– Да, – робко улыбнулась я, но Катьку это неожиданно выбесило.

– Ну и хули ты смеешься? – рывкнула она, а потом выругалась, заметив, как я вздрогнула. – Блин. Прости, родная... Слушай, может в ментовку заяву написать?

– Участковый приходил уже, – отмахнулась я. – Соседи вызывали. Да я сама виновата, Кать. Не уследила, колготки порвала, отчим деньги потратил...

– Насть! – раздраженно перебила меня Катька. – Ты себя

слышишь? Это колготки три копейки стоят. Хули тут такую ценность разводить, будто ты трусы золотые порвала? Нахера ты оправдываешь эту суку?

— Это моя семья, — пожалала я плечами и, выдержав тяжелый взгляд подружки, добавила. — Все равно ничего не поделать уже. Надо просто меньше косячить.

— В жопу тебя! Я сама ментов вызову тогда. Настя, это не дело. Тебя пиздят, как сидорову козу, за такую мелочь, что аж смех и слезы, — воскликнула Катька. Я снова покачала головой, и подружка выругалась.

— Не надо никого вызывать, — я поежилась, сглотнула тягучую слюну и с мольбой посмотрела на Катьку. — Что, если... что, если, она узнает, кто вызвал. Ты представляешь, что со мной будет?

— Догадываюсь, — кивнула Катька. Она затушила сигарету об стену и, повернувшись ко мне, вздохнула. — Обещай мне одно. Нет, две вещи.

— Какие?

— Если у тебя появится шанс свалить, то ты свалишь. И еще. Если эта тварь снова тебя изобьет, ты мне скажешь об этом, идет? — спросила она и, поджав губы, уставилась на меня в ожидании ответа. — Обещай, Насть. Обещай!

— Хорошо, — ответила я. — Обещаю.

— Ты ж моя хорошая, — проворчала Катька и, обняв меня, погладила по голове. Она не знала, что я совру ей. Совру обязательно. Потому что до одури боюсь маму.

Вернувшись домой, я облегченно выдохнула, когда меня встретила тишина. На кухне нашлась записка, где говорилось о том, что мама с отчимом поехали на рынок за продуктами. Значит, у меня было еще три часа. Потом надо было сходить в садик за Андрейкой и на обратном пути забрать из продленки Матвея. Но это неважно. Я смогу побыть дома одна целых три часа. Так много... и так мало одновременно.

Сначала я искупалась. Долго и старательно намыливала, а потом терла жесткой мочалкой тело. Наслаждалась горячими струями воды, не боясь, что мама войдет в ванную и начнет орать. Долго вытиралась махровым полотенцем, словно желала продлить момент такого редкого одиночества. Но время таяло, а сделать еще надо было много.

После душа я помыла грязную посуду, которая дожидалась меня в раковине на кухне. Замочила в тазике рабочую одежду отчима. Налила из кастрюли в большую металлическую тарелку суп и поставила обратно в холодильник. Братья, придя из школы, точно захотят есть, а если я замешкаюсь, то Матвей обязательно пожалуется маме, что я его голодом морила. И еще что-нибудь выдумывает, чтобы мне точно досталось.

Когда я закончила и посмотрела на часы, то не смогла сдержать улыбки. Еще полтора часа. Можно достать плеер из-под матраса и послушать музыку. Можно почитать. Или просто насладиться тишиной, такой редкой и оттого вдвой-

не ценной. Но на душе скреблись кошки, словно я забыла о чем-то важном. И это важное сразу же всплыло в голове словами Катьки: «Пиши, Настька. Пиши о всей хуйне. И нычку сделай».

Задумавшись, я обвела взглядом комнату и улыбнулась, посмотрев на письменный стол, за которым делала уроки. Отчим недавно ремонтировал шифоньер и у него в кладовке остались несколько листов фанеры, из которой получится сделать двойное дно в одном из моих шкафчиков. Хмыкнув, я приступила к делу. Благо, что инструменты нашлись в кладовке, как и фанера, нужная для тайника.

Конечно, места в тайнике было маловато. Но туда легко можно спрятать толстую тетрадку и даже не одну. Ну а если места будет мало, то никто не мешает приподнять фальшивое дно, увеличив размер тайника. Когда я закончила, то от волнения даже рассмеялась. Правда пришлось похлопать себя по щекам. Дурацкое суеверие, но я побаивалась, что смех без причины заставит меня пролить слезы. Мама часто это повторяла.

Затем я сходила в гостиную и открыла дверцу шкафа, где лежали школьные принадлежности. Мне мама покупала обычные тетрадки, но я знала, что где-то там, в глубине, лежат и «общие» тетради на девяносто шесть листов. Найдя одну из них, я навела в шкафу порядок, постаравшись разложить принадлежности так же, как они лежали до этого. Мама может заметить, а рисковать я не собиралась.

Вернувшись за стол, я раскрыла тетрадь и замерла. Что писать? Как писать? Искренне или наоборот, умалчивая о самом сокровенном? А вдруг мама найдет? Но Катька говорила, что дневник надо вести искренне. Словно это немой друг, который никому не расскажет твои тайны, даже если его будут пытаться. Но перебороть страх оказалось сложно. В голове возник образ кричащей мамы, которая размахивала найденным дневником. Я знала, что потом этим дневником меня отлупят, но страх ненадолго отступил, когда я взяла ручку.

Чистый лист в клетку манил и притягивал, а я неожиданно поняла, как много хочу рассказать этой тетрадке. Сколько хочу выплеснуть на эти страницы, не пугаясь грязи и не боясь ничего. Сердце билось, как безумное. Губы пересохли, да и в груди горел огонь, словно я собиралась сделать что-то противоестественное, страшное и унижительное. Непросто оказалось излить душу, но я убеждала себя, что надо это сделать.

Раз за разом повторяла Катькины слова, собиралась с духом, уходила на кухню попить воды и нервно смотрела на часы, которые равнодушными щелчками отсчитывали конец тишины и одиночества. Вздохнув, я снова взяла ручку, разгладила лист и, наклонившись над тетрадью, написала:

«Меня зовут Настя и мама меня ненавидит».

Глава вторая. Семья.

Многие семьи на районе были странными. Даже Катькину можно было назвать странной, однако мне всегда казалось, что моя семья – особенная. В плохом смысле этого слова.

Я жила одна с мамой до семи лет, пока в нашей семье не появился мужчина. Впервые я увидела его при странных обстоятельствах. В тот день у нас отменили последний урок, и я радостная помчалась домой. Правда наткнулась по пути на извращенца, который, не стесняясь, дрович на меня из кустов. Радость улетучилась быстро, и на смену ей пришел страх. Остаток пути до дома я одолела за пять минут, ни разу не остановившись, чтобы перевести дух. Влетела в квартиру и увидела в коридоре большие черные ботинки, которых раньше не было. Всю обувь папы, которую тот не забрал, мама давно выбросила. Но страшнее всего были звуки, доносившиеся из гостиной. Я слышала, как мама стонет, а потом побледнела, когда к её стонам добавились и мужские.

Войдя в гостиную, я увидела, что голая мама скачет на тощем мужике, а тот мнет её сиськи и плотоядно скалится. Прошло немного времени, прежде чем меня заметили. А когда заметили, мама заорала. Мужик испуганно юркнул под одеяло, я бросилась на кухню и охнула, когда в спину прилетел мамин тапок, больно ударив между лопаток.

Затем мама, закутавшись в халат, оттащила меня за руку

в комнату, а когда вернулась, то ударила кулаком по скуле и сильно избила ремнем. Так сильно, что мне три дня было больно сидеть. На жопе до сих пор остались шрамы, которых я всегда жутко стеснялась.

Этот мужик вернулся через неделю. Он пришел в гости нарядным, пахнущим одеколоном и даже принес торт. Мама к его приходу тоже нарядилась. Она была красивой женщиной, неудивительно, что мужики слюни глотали, когда мы шли в магазин и из магазина, а тут сама себя переплюнула. Но я наотрез отказывалась понимать, что она нашла в дяде Игоре. Пока не повзрослела, чтобы понять.

Его звали Игорь. Игорь Романович Степанцов. Он был старше мамы на четыре года, но выглядел так, будто старше лет на десять, а то и больше. Худой, нескладный, с длинными руками и кривыми ногами, он словно сошел с карикатуры в газете. Серые глаза, тонкие потрескавшиеся губы и нос с горбинкой. Волосы у него были черными, но в них поблескивали белые нити. Когда я перешла в восьмой класс, он полностью поседел.

Дядя Игорь работал на хлебзаводе, которым владели коммерсы, благодаря чему и зарплата была хорошей, и её никогда не задерживали, чего нельзя сказать о других соседях. Каткин отец порой зарплату не получал по полгода, и её мама частенько прибегала к нам, чтобы перезанять немного денег.

Да, деньги у нашей семьи были, но я их почти не видела. Мне не давали на карманные расходы, а список покупок составляла мама и она же решала, что, когда и зачем нужно покупать. Тем не менее мама всегда носила золото, да и дядя Игорь частенько радовал её приятными подарками, а потом стал жить с нами и из дяди Игоря превратился в отчима.

Поначалу он был неплохим человеком. Порой мог напиться после получки, если мама ему разрешала. Но напившись, никогда не буйнил. Только глаза у него странно блестели, когда он смотрел на меня. Потом он вздыхал, улыбался и отправлялся спать в «темную». Мой папа, до того, как уйти, расширил кладовку и сделал там полноценную комнату, где мама любила дремать днем.

Была одна черта в его характере, которую я не любила. Он молчал. Молчал, когда мама начинала меня бить. Молчал, когда она орала на меня из-за помарок в тетрадях. Молчал, когда она хлестала меня ремнем, потому что я вышла ночью попить воды и увидела, как она сосет ему хер. Понятно, что мама тоже держала его в ежовых рукавицах, но я порой надеялась, что он однажды сломается и заступится за меня. Однако этого так и не произошло. Дядя Игорь молчал, а то и вовсе уходил на балкон или на улицу, пока мама не уставала «учить меня жизни».

До восьмого класса мама раз в год уезжала в санаторий, который ей оплачивал отчим. И эти две недели становились раем для меня. Нет, работу по дому никто не отменял, но

я, по крайней мере, могла спокойно заниматься своими делами, не боясь, что в комнату влетит мама с очередной претензией, что её «сука-дочь» сделала что-то не так.

В течение этих двух недель уроки мне помогал делать дядя Игорь, если я вдруг с чем-то не справлялась. Первый раз это ввергло меня в ступор. Не потому, что он меня избил. А потому, что объяснил, как и что делать простым человеческим языком. Но со временем я привыкла не расслабляться. Ведь мама все равно вернется, а значит вернется и все остальное: побои, ругань и боль. Правда и отчим в итоге изменился, превратившись в того, кого я возненавижу.

Через год, после того, как дядя Игорь стал жить с нами, родился Матвей. Мой брат. Поначалу я этому только порадовалась. Думала, наивная, что мама переключит свою «любовь» на него. Кто ж знал, что любовь и правда в ней проснется. Только не ко мне, а к Матвею. Тогда я не представляла, какого гондона исторгла на свет мамина манда. Тотщий, как отец, с такими же кривыми ногами. Только голова была большой и неровной, а глаза мамыны – черные, блестящие и злые.

Матвей всегда был странным. Он постоянно капризничал и плакал, а когда подрос, то начал удивлять странными заскоками. Однако маму это не смущало. Она в сыне души не чаяла, сюсюкалась с ним, читала ему сказки на ночь. Когда Матвей болел, она не отходила от его кровати ни на шаг. Ко-

гда болела я, ей было плевать. Хорошо хоть таблетки давала. Лишь утром спросит невзначай, даже не смотря в мою сторону:

– Не сдохла? Иди посуду мой. И брату не забудь молоко погреть.

Ей было насрать на меня. Но не на Матвея.

Когда Матвею стукнуло семь лет, и он отправился в школу, я перешла в восьмой класс. Мы часто пересекались на переменах, да только радости от этого я не испытывала. То он одноклассника ногой по яйцам лупит, то над девчонкой издевается. А однажды Матвей домой жабу притащил. Поймал в пруду у дома, посадил в пакет и притащил домой.

Я тогда уроки в своей комнате делала и не обратила внимания на беготню брата по квартире. То, что его лучше не трогать, я давно уяснила и лишь один раз нарушила правила, когда Матвей залез в мой стол и, вытащив кассету с любимой музыкой, раздолбал её молотком на моих глазах. Я шлепнула его по жопе, но он поднял такой вой, что влетевшая в комнату мама подумала, будто сына убивают. За это я получила половником по рукам и простояла всю ночь в углу на коленях, а утром еле доковыляла до школы и путанно объяснила медсестре, что сломала два пальца, упав с лестницы. То, что пальцы мне сломала мама, я не стала говорить. Даже Катьке.

Тогда Матвей поймал в пруду жабу, принес её домой и разделал в ванной кухонным ножом, после чего, влетев в мою комнату, вывалил останки и кишки на меня и мою кро-

вать. Когда мама вернулась из магазина, я рассказала ей об этом и как же неожиданно было увидеть на её лице улыбку гордости.

– Ученый мой, – потрепала она Матвея за щеку, не обращая внимания на потроха. – Врачом станет.

– Хочу космонавтом! – рявкнул тот и, отпихнув руку матери, убежал в гостиную. Я, глотая слезы, сидела на стуле и с ужасом смотрела на испачканную кровать, убирать которую, естественно, предстояло мне.

Со временем проделки Матвея начали меня пугать. Только мама все посмеивалась и продолжала сюсюкаться с братом, не замечая, что тот превращается в ебаного психа.

Матвей часто закатывал истерики. Ругался, лез драться. Мог разорвать мою книгу или, взяв фломастеры, изрисовать учебник. Наказание за это получала, естественно, я. Потому что не убрала свои вещи и поэтому сама виновата.

Но однажды ночью, когда Матвею было девять, я проснулась от странного шуршания возле моего стола. Нащупав ночник и нажав на кнопку, чтобы включить свет, я еле сдержала крик, когда свет наконец-то загорелся. Матвей, с дебильной улыбкой на лице и безумным взглядом, стоял у кровати. В его руке были зажаты мои трусы, которые он периодически подносил к носу и шумно нюхал.

– Настя – блядь! – прошептал он, пока я с ужасом думала, что делать: звать маму или вырвать трусы и выгнать брата

из комнаты. Несмотря на то, что я теперь спала в «темной», Матвею никто не запрещал заходить в неё, когда ему захочется. Тогда я об этом никому не рассказала. Только записала в дневник, вот только легче от этого не стало.

У Матвея вообще была нездоровая тяга ко мне. Он любил хватать меня за грудь и сдавливал так больно, что аж слезы из глаз лились. Подглядывал, как я купаюсь, и ловил настоящий кайф от того, что мама меня лупит. Но для мамы он все равно оставался «сыночкой». Ему прощались любые истерики, исполнялись любые капризы и, если я вдруг повышала на него голос, наказание следовало моментально.

Когда он родился, меня переселили в «темную» спальню. «Сыне нужно солнышко», – как сказала тогда мама. Я была этому только рада. Бессонные ночи выматывали, а орал Матвей часто. Но все же мама иногда выгоняла меня из кровати посреди ночи, чтобы я понянчилась с братом, который не мог уснуть. Ей было плевать, что завтра у меня контрольная или что я плохо себя чувствую. Матвей был всегда на первом месте. Даже когда родился Андрей, ничего не изменилось.

Андрей – мой младший брат. Он родился через три года после Матвея, но я сразу же поняла, какие они разные. Если Матвей орал, как резанный, то Андрейка был на удивление тихим и мирно посапывал в кроватке. Даже когда у него начали резаться зубки, он хоть и плакал, но делал это нехотя. словно так надо, а не потому что ему больно.

Младшенький был копией мамы. Внешне, конечно. Это

подмечали все знакомые, заставляя маму гордо улыбаться. Характером же Андрей был похож на отца – такой же тихий, неконфликтный. Правда он мог иногда взбрыкнуть, запустить в стену стакан с чаем или наорать на того, кто стоял рядом. Мама на его поведение тоже закрывала глаза, а когда братья ссорились, заставляла меня разнимать их. В одну из таких ссор Андрей воткнул мне вилку в бедро. Он разозлился на Матвея, который втихаря разукрасил его раскраску и испортил фломастеры, и поэтому кинулся в драку. Старший просто отпихнул его, но Андрей не успокоился. Он схватил вилку со стола и, если бы я не вмешалась, воткнул бы её брату в глаз. Однако успокоить его не удалось и вилка, ожидаемо, воткнулась в мою ногу. Тогда мама, наверное, в единственный раз, отлупила обоих братьев. Сначала дала по жопе Андрею, а потом досталось и Матвею, который бился в припадке, пока мама лупцевала его ремнем по жопе. Чуть позже, когда я вернулась в свою комнату и забралась в кровать, то впервые за долгое время засыпала с улыбкой. Этому не могла помешать даже ноющая от боли перебинтованная нога.

В остальном Андрейка был куда спокойнее Матвея. Он не потрошил лягушек, не нюхал мои трусы, спокойно обедал и даже иногда помогал мне с домашними делами. Мы с ним вместе мыли посуду. Вернее, мыла я, а он, стоя на маленькой табуретке, вытирал все чистым полотенцем, прежде, чем убрать посуду в шкаф.

Мама не могла на него нарадоваться, однако же Матвея

почему-то любила больше. К счастью, Андрейка на этом не заикливался. Он всегда ко всему относился спокойно, лишь изредка позволяя себе взорваться, да и то, если Матвей принимался его доводить. Но больше всего на свете он любил, когда я читала ему сказки на ночь. Он усаживался в кровати, скрестив ноги, подпирал подбородок кулачком и с таким серьезным лицом слушал истории, что я порой не могла сдерживать улыбки. Иногда он задавал вопросы, на удивление умные и здравые, а я с удовольствием ему отвечала. Даже несмотря на проказы Матвея, который хулиганил до тех пор, пока я не уходила. Только при маме старший елейно улыбался и лежал спокойно под одеялом, пока я читала сказки.

– Насть, а Колобок, он что – дурак? – спросил Андрей меня однажды, когда я в сотый раз перечитывала ему любимую сказку.

– Почему? – удивилась я, закрывая книгу.

– Ну, – замялся он. Затем вздохнул и пожал плечами. – От бабы с дедом ушел. Зачем он ушел?

– Баба с дедом его бы съели.

– Не, – поморщился Андрейка, чуть подумав. – Он же говорящий. Кто ж хлеб говорящий есть будет? Может баба с дедом его били, Насть? Как мама тебя...

– Потому что Настя – блядь, – оскалился Матвей. Он прыгал на кровати, но, когда увидел, что на его выкрик никто не обратил внимания, надул губы и залез под одеяло.

– Не знаю. Может и так, – хмыкнула я и, наклонив голову, посмотрела на слишком уж серьезного брата.

– А почему он зайке, волку и медведю не дался? Они же тоже его съесть хотели. А он убежал от них. Только лиса его слопала.

– Боялся их, наверное, – ответила я. – Думал, что умнее. А лиса оказалась хитрее.

– Не, – снова махнул рукой Андрей, заставив меня улыбнуться. – Баба с дедом его съесть хотели, как ты сказала. И медведь, и волк, и зайка, и лиса.

– А ты как думаешь? – тихо спросила я. Андрейка посмотрел на меня и поджал губы. – Мне правда интересно. Расскажи.

– Его все съесть хотели, Насть. А он убегал. Да устал убежать. Вот и сдался, – серьезно ответил он, по привычке подпирая кулачком подбородок. Затем Андрей вдруг посмотрел на меня и, встав с кровати, подошел ближе. А потом, не успела я удивиться, обнял. Осторожно, словно боялся причинить боль.

– Насть, а ты не убежишь? Ну, чтобы тебя тоже не съели? – спросил он. Даже Матвей замер, приоткрыв рот и ковыряясь пальцем в носу.

– Нет, Андрейка. Не убегу, – тихо ответила я, поглаживая его по спине. Андрей кивнул, шмыгнув носом и забрался под одеяло.

– Хорошо, – пробубнил он и, повернувшись к стене, зев-

нул. – Спокойной ночи, Насть.

– Спокойной ночи, – вздохнула я и, убрав книгу сказок на полку, выключила свет. А потом, дойдя до своей комнаты, легла в кровать и расплакалась в подушку. Как и всегда тихо, чтобы никто не услышал.

Но чем старше становился Андрей, тем более замкнутым он становился. Его эмпатию словно высосали досуха. Он равнодушно смотрел, как мама меня отчитывает, уходил в свою комнату, если крики становились громче и дело доходило до избиений, и равнодушно хмыкал, если заставлял меня плачущую в ванной комнате.

Я бы соврала, если бы сказала, что ненавидела каждого члена моей семьи. Была еще бабушка Лена, мать дяди Игоря. Пусть она была мне неродной, но зато я искренне её любила и радовалась, когда мама отправляла меня к ней.

Жила баба Лена в Блевотне – частном секторе, который давно оккупировали наркоманы, цыгане и прочий сброд. Порой я удивлялась, идя по раскисшей от дождя дороге к её домику и рассматривая другие дома: грязные, неряшливые, страшные. Домик бабы Лены был другим. Чистеньким и ухоженным. От него так и веяло теплом и уютом. Даже отмороженные блевотнинские уроды обходили его стороной, словно боялись запачкать своей скверной. К тому же бабу Лену любили.

Однажды к ней на участок залез вмазанный ублюдок и,

схватив лопату у сарайчика, принялся бить стекла, орать и безумно смеяться, пугая нас с бабушкой. Через пару дней к домику бабы Лены подъехала красная шестерка, откуда выбрался пузатый мужик с черной, колючей бородой. Он обошел машину, открыл багажник и вытащил из него ночного гостя, изрядно побитого. Я тогда ночевала у бабушки и хорошо помню его лицо, хоть это и сложно было назвать лицом. Вместо него была жуткая восковая маска: глаза заплыли, кожа бурая, в страшных гематомах, а половины зубов нет. Баба Лена лишь головой покачала, когда бородатый мужик ответил нарику поджопник и тот улетел в кусты крыжовника.

– Рома, ну что ты? – вздохнула она, подходя ближе.

– Этот к тебе ломился, мать? – вопросом на вопрос ответил мужик. У него были колючие, злые глазки, а еще от него пахло потом и чем-то тошнотворно сладким.

– Этот, этот. Что ж ты его так отделал-то, милоч? – снова посетовала баба Лена, на что мужик рассмеялся и махнул рукой.

– Это разве отделал? Бурый немного, но в дверь пролазит.

– Чай будешь, Ром?

– Давай, мать, – кивнул мужик, а потом повернулся к избитому, который с трудом выбрался из кустов. – Слышь, уёба? Вставай и пиздуй к машине. В салоне стекла лежат. Приступай к работе.

– Так я же... – нарик не договорил, потому что мужик вдруг скрежетнул зубами и похлопал себя по груди. Я поня-

тия не имела, почему избитый так перепугался, но он рысью кинулся к машине, а уже через секунду тащил в наш двор стекла и инструмент. Позже бабушка рассказала, что это за таинственный Рома посетил нас тогда. Им оказался местный торгаш «хмурым», а избитый был его клиентом, пусть и залетным.

Да, бабушку любили. Это я сразу поняла, потому что и меня в Блевотне никто и никогда не трогал. Может виной всему дядя Рома, который частенько заезжал к бабушке, а может и сама бабушка, которой никто не мог отказать. Да и как ей отказать?

Баба Лена была милой старушкой, которая словно сошла со страниц книги со сказками. Маленькое лицо, покрытое сеточкой морщин. Добрые голубые глаза и теплая, обезоруживающая улыбка. Не знаю, почему, но даже Матвей при ней переставал беситься и худо-бедно вел себя, как нормальный ребенок.

Порой мама уезжала с дядей Игорем на море, а нас отдавала бабушке. Ну а если с собой на море забирали моих братьев, то счастьем моему не было предела.

– Настёна, вставай, – мягкое прикосновение к плечу. Бабушкина рука теплая и шершавая. Но я, открывая глаза, улыбаюсь. С кухни пахнет жареными пирожками, заливается соловьем на плите чайник, а на улице щебечут птицы и солнце заполняет спальню ярким, теплым светом. Первые дни са-

мые радостные. Потому что знаешь, что не нужно нестись на кухню и мыть посуду. Не надо собирать братьев в школу и сад. Не надо бояться, что тяжелая рука мамы опустится на голову, наполняя её звоном и болью. Будет только бабушкина маленькая ладошка, которая погладит волосы. Будет улыбка, добрая и понимающая. Будет прекрасный день, потому что по-другому быть не может.

Я улыбалась, сладко потягивалась и вставала безо всякого сожаления. Нужно насладиться этими днями, пока они не закончились.

Днем я помогала бабушке в огороде. Мы пропалывали грядки, вырывали сорняки, а потом бабушка доверяла мне поливку. Надо было достать из сарая зеленый шланг, размотать его и подключить к крану, а потом можно и поливать, зажимая дырку на конце шланга пальцем, чтобы струя долетела до самого края грядки. И так пока бабушка не позовет обедать.

Борщ она варила наивкуснейший. К нему обязательно сало из морозилки и теплый хлеб, за которым бабушка ходила рано утром на пекарню у входа в Блевотню. Когда я заканчивала и собирала остатки борща со дна тарелки хлебом, бабушка всегда заваривала чай с душистыми травами. Волшебный чай, согревающий душу и сердце. Ну а после обеда она отпускала меня на речку, которая находилась недалеко от её домика. Отпускала спокойно, потому что знала, что со

мною ничего не случится. А если и пристанет какой-нибудь залетный, так соседи сразу же отобьют у него все желание.

Речка на Блевотне странная. Узкая, неглубокая и грязноватая. Но я любила её. Любила уйти подальше от пляжа, где купались местные, расстилала полотенце и бежала купаться. Купалась долго, пока губы не синели, а потом грелась на солнышке и, улыбаясь, мечтала, чтобы этот день не заканчивался. Забавно, но именно на речке я нашла еще одного друга.

Мне было десять, когда мама с дядей Игорем решили поехать на море. Они взяли Матвея с собой, а меня спланировали бабушке, чему я была только рада. Мама была беременна Андреем и её настроение постоянно менялась, что чаще всего сказывалось на мне. Поэтому, когда мне сообщили, что я три недели проведу у бабушки, я постаралась скрыть эмоции. Однажды уже обожглась, за что получила ушат говна на свою голову и привычный подзатыльник.

– Чего лыбишься? – недовольно спросила мама, собирая чемодан. – Дома говном намазано?

– Нет, мам, – тихо ответила я, надеясь, что она успокоится. – Просто по бабушке соскучилась.

– Ага, как же. Соскучилась. Ссы в глаза – божья роса, – фыркнула мама, но быстро вернулась к сборам, не забывая ворчать себе под нос. – Лишь бы лентяйничать...

После того, как мама собрала чемодан, она выдала мне

список книг на лето, велел прочитать первую десятку. Хорошо, что у бабушки большая библиотека была, но мама не знала, что эти книги я уже прочитала. За неимением других развлечений приходилось только читать, а если на мамин окрик ответить, что читаешь заданное в школе, то можно получить лишние два часа спокойной жизни. Поэтому я не спешила радоваться, соорудив максимально равнодушное лицо. Ну а когда меня наконец-то отправили к бабушке, дав денег на автобус, я помчалась на остановку быстрее ветра.

Провозившись до обеда в огороде, я отпросилась у бабушки на речку и, переодевшись в купальник, взяла с собой полотенце, два пирожка с картошкой и бутылку воды.

– Ой, торопыга, – рассмеялась бабушка, когда я случайно выронила пирожок и, побелев от страха, вжала голову в плечи. – Иди, одевайся. Я соберу все.

– Спасибо, ба, – улыбнулась я. Как же сложно было привыкнуть к тому, что тебя не били, если ты что-то роняла. Но и привыкать к этому я не собиралась, зная, что все рано или поздно вернется на круги своя.

Однако, придя на речку и найдя свой укромный уголок, я удивилась, увидев там незнакомого белобрысого пацана, на вид моего ровесника. Тот лежал на зеленой травке, закрыв глаза, а мокрая кожа наглядно говорила о том, что он недавно вылез из воды.

Закусив губу, я вздохнула и, развернувшись, осмотрела

берег. Но всюду, куда ни кинь взгляд, на траве загорали местные. Поэтому я плюнула и, достав из пакета полотенце, расстелила его, после чего спрятала под ним пирожки и воду.

– Привет, – я вздрогнула, услышав чуть хрипловатый, но веселый голос, и, повернувшись, увидела, что пацан сидит на травке и смотрит на меня с улыбкой.

– Привет, – осторожно ответила я, готовая схватить полотенце, пакет и убежать, если понадобится. Но мальчишка, подмигнув, отвернулся и снова лег на траву. Я немного расслабилась и, пожав плечами, скинула с себя шорты и майку, после чего с разбегу вбежала в воду. Вода была прохладной, еще не успела окончательно прогреться, но мне было все равно. Нырнув, я через мгновение всплыла и, повернувшись к берегу, увидела, что пацан снова уселся и теперь смотрит на меня. Почему-то мне стало неловко, поэтому я еще раз нырнула, а потом поплыла к берегу.

– Ты бабы Лены внучка? – спросил он, когда я уселась на полотенце и достала бутылку воды.

– Ага. А ты откуда знаешь? – поинтересовалась я. Мальчишка рассмеялся, чисто и беззаботно, и я неожиданно рассмеялась в ответ.

– Так я через три дома от неё живу, – ответил он. Я, пользуясь моментом, внимательно его рассмотрела. Высокий, коренастый, загорелый. Руки длинные, а лицо детское и наивное. Глаза зеленые, как трава, на которой он лежал. Но куда

сильнее меня поразила его улыбка. Она была доброй, в отличие от улыбок остальных жителей Блевотни. Те улыбались скупой, пряча зубы, а глаза настороженно следили за каждым твоим движением. Мальчишка же улыбался просто так. Поэтому что ему хотелось улыбаться.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Ваня. А тебя?

– Настя.

– Будем знакомы, – улыбнулся он и я улыбнулась в ответ.

Ну а через полчаса мы уже болтали, как давние друзья. Ванька рассказал, что живет в Блевотне с рождения, папка его металл грузит на вокзале, а мама полы моет в школе. Я, неожиданно для себя, тоже рассказала ему о своей семье. За исключением самого сокровенного.

– Получается, что у тебя уже братка есть и еще один на подходе? – спросил он. Я кивнула в ответ. – Круто. Я бы тоже хотел братку, а мамка против. Говорит, что меня хрен прокормишь, куда еще один рот.

– Веселого мало, – вздохнула я, вспомнив истерики Матвея. – Никогда не знаешь, кого мама родит.

– Это да, – согласился Ванька, а потом замолчал, когда я достала из пакета пирожок. Мне хватило взгляда, чтобы увидеть, КАК Ванька смотрит на мой пирожок. Казалось, что он вообще его впервые видит.

– Держи, – улыбнулась я, протягивая ему пирожок. Ванька мотнул головой и демонстративно сморщил нос, но тут же

сдался, когда я вытащила из пакета второй.

– Спасибо, – ответил он и не успела я моргнуть, как он проглотил пирожок, не жуя, и погладил себя по животу. – Ох, баба Лена вкусные пирожки делает. На Пасху всегда к ней ходим, да на колядки тоже. Хорошая она.

– Очень, – кивнула я. – Ты обсох?

– Ага, а что?

– Погнали купаться.

– Погнали, – рассмеялся Ванька и мы, хохоча, бросились к речке.

Теперь, если меня отправляли к бабушке, я радовалась вдвойне, потому что в Блевотне меня ждал Ванька. Так же, как и меня, он принял и моих братьев. Его не смущали ни проделки Матвея, ни закрытость Андрейки. Ванька никогда не позволял себе лишнего, даже если Матвей начинал кидать в него говном или грязью. Усмехнется, погрозит пальцем, вытрет грязную майку и забудет через секунду. А вот маму мою он побаивался.

Когда Ванька впервые с ней столкнулся, то сразу же получил в лицо поток говна, потому что не справился с велосипедом и нечаянно влетел в забор бабушки. К его несчастью, у калитки стояла мама. Она как раз приехала к бабушке за закрутками и заодно меня забрать, а Ванька спешил попрощаться.

– Долбоеб что ли? – ругнулась она, выронив пакет с моими

вещами. Мне предстояло тащить две сумки с закрутками, которые были куда тяжелее пакета, но маму это, как обычно, не волновало.

– Простите, – стушевался Ванька, слезая с велосипеда. – Колесо в яму попало.

– Носиться не надо, как угорелый. Шмель-чи в жопу ужалил? – буркнула мама, поднимая пакет с земли. Ванька кивнул и робко улыбнулся.

– А Настя дома?

– А тебе чего от неё надо? – окрысилась мама и прищурила глаза.

– Просто попрощаться. Она же уезжает сегодня, – вздохнул Ванька, от волнения пощипывая седушку велосипеда пальцами.

– Ой, попрощаться, – рассмеялась она. – Жених что ли?

– Нет, – покраснел мальчишка. – Просто друг.

– Ага. Просто друг. Знаем таких друзей. Лыбятся, а потом херой своей в лицо тычут...

Я видела и слышала их разговор. Как раз стояла у окна, дожидаясь, пока бабушка вытащит из погреба банки с соленьями. Стояла и давилась слезами, потому что видела, как Ванька вжимает голову в плечи, как садится на велосипед и медленно катит в сторону речки. Вздыхнув, я покачала головой и, вытерев мокрые глаза, помогла бабушке вылезти из погреба. Мама еще долго припоминала мне Ваньку.

– Узнаю, что ебешься с кем, удавлю! – мрачно сказала она мне вечером, когда мы приехали домой. Откуда десятилетней девчонке знать, что такое «ебешься»? Но я знала. С мамой быстро всему учишься. Даже если не хочешь.

Как только я пошла в школу, то мама, как она всегда говорила, «начала готовить меня к жизни». Расшифровывалось это просто: я должна была носиться по дому, как Золушка. Поначалу список домашних обязанностей был небольшим, но с каждым днем он разрастался все больше и больше. Если же я что-то делала не так, сразу же следовало наказание. С этим было строго.

– Через пиздюлину всегда быстрее доходит, – сказала мама, когда я, заливаясь слезами, смотрела на прожжённую утюгом дыру в своей школьной блузке. Только плакала я не из-за блузки, а из-за того, что мама отхлестала меня шнуром от утюга. Кожа на спине вспучилась и горела, но маме, как обычно, было плевать. На этом она не успокоилась и положила на гладильную доску мою юбку. – Вперед и с песней. Пока не научишься.

Ну а когда родился Матвей, а потом и Андрей, список обязанностей увеличился. Теперь мне необходимо было учитывать и братьев. Уроки начинались в восемь утра, но я вставала в шесть. Неважно, болела или нет. Исключений не было. Сначала я шла на кухню и ставила чайник, потом шла

в туалет и умывалась. К тому моменту чайник закипал, и я отправлялась будить мелких. Андрей вставал без проблем, только потормоши за плечо, а вот Матвей скулил, отбрыкивался, мог резко выбросить кулак и ударить в глаз, но услышав, как ворочается в кровати мама, тут же поднимался с гаденькой ухмылкой и шел в туалет.

Пока братья умывались, я наливала им чай, не забывая о том, чтобы разбавить кипяток холодной водой. Делала два бутерброда с колбасой и сыром, а себе намазывала на хлеб масло. Мама считала, что девочке нельзя есть колбасу и сыр, иначе она вырастет жирной. Поэтому я и завтракала куда скромнее братьев. Конечно, мысли о том, чтобы сделать себе нормальный бутерброд, были, однако я до одури боялась, что мама заметит. Поэтому с тоской смотрела, как братья уминают бутерброды с колбасой и сыром, а потом приступала к своему куску хлеба с маслом, иногда посыпая его сахаром, пока никто не видит.

После завтрака я одевала братьев, собирала рюкзак, и мы выходили из дома. Первым делом заводили Андрея в садик, а потом шли в школу. Иногда я опаздывала, если Матвей начинал беситься. Он мог упасть на асфальт, а потом ревел белугой, отказываясь идти в школу. Отчим смеялся и называл это «асфальтной болезнью». Со временем я приноровилась закидывать брата на плечо и, под смешки прохожих, тащила в школу.

После школы мне надо было зайти в магазин за свежим

хлебом. Вчерашний хлеб Матвей ел только утром, а вот на обед обязательно нужен был свежий. Единственная радость, что компанию мне обычно составляла Катька, из-за чего я возвращалась домой гораздо позже. Но и тут выкручивалась, говоря маме, что стояла в очереди или ждала, пока машину разгрузят.

Вернувшись домой, я была должна подмести, вымыть полы и вытереть пыль. Не так и страшно, если мама не заставляла убираться в серванте. Там стояла её гордость – наборы фарфора и хрусталя, к которым пыль липла, как мухи к говну. Каждую тарелку или вазу надо было протереть влажной тряпкой, потом вытереть насухо и отложить в сторонку. Затем протереть стеклянную полку и поставить все обратно. Времени это занимало много, потому что тарелки были скользкими. Однажды я случайно разбила одну тарелку. Мама схватила осколки и с силой запустила их в меня. Один осколок порезал щеку, и я получила еще один шрам, напоминающий о том, что надо быть внимательнее.

После уборки я шла в ванную и замачивала в большом тазу рабочую одежду отчима. Лишь после этого мне разрешалось пообедать. Ела я быстро, потому что день был расписан буквально по минутам, а если замешкаешься, то мама сразу напомнит об этом. Ремнем или кулаком.

После уборки и обеда я садилась за уроки. Понятно, что успеть все сделать за пару часов, дико сложно, поэтому, если задавали много, то я делала часть, а часть оставляла на вечер,

когда семья укладывалась спать. Если мне никто не мешал, то уроки я доделывала к часу ночи и ложилась спать.

Закончив с частью уроков, я одевалась и шла забирать братьев из садика и школы. Стало чуть полегче, когда Матвей перестал посещать продленку, но с другой стороны и хуже, потому что он приходил домой вместе со мной. Хорошо, если гулять убегал, а то мог и ко мне начать приставать, если ему скучно было.

Забрав братьев, я возвращалась домой, грела суп и кормила их. Потом мыла посуду и, либо шла в свою комнату, либо, что случалось реже, уходила гулять с разрешения мамы. Если она была не в настроении, то улица отменялась и мне подкидывали еще дел: погладить одежду, сходить в магазин или помочь с готовкой. Готовить еду мама не доверяла никому. Разве что заставляла меня все приготовить: почистить картошку и лук, отварить курицу и обжарить мясо с костей, сделать рассол для мяса. Ну а потом, если её настроение чуть улучшалось, меня отпускали погулять. Я быстро одевалась, выбегала из квартиры, заходила за Катькой, и мы шли либо в парк, либо к пруду. Ну или шлялись по району: забредали в книжный, чтобы поглазеть на новинки, изучали видеокассеты в прокате и просто гуляли, болтая обо всем.

Закрыв тетрадь и спрятав её в тайник, я вздохнула и откинулась на стуле. В груди снова заскребли кошки, словно я

что-то забыла. Но я знала правду, хоть и не признавалась себе. Катька, прочитай она вдруг мои записи, сразу же бы ткнула меня мордой в главную ошибку. Я сглаживала все свои переживания. Не писала о них так, как чувствовала. И от этого было очень паскудно на душе.

Я хмыкнула и, чуть подумав, достала плеер. Есть еще час, чтобы отдохнуть. Писать больше не хотелось. Вместо облегчения воспоминания принесли боль. Но Катька говорила, что так часто бывает. Мол, ты борешься с собой, врешь и не желаешь говорить правду. Но со временем воспоминания станут более искренними и на душе сразу полегчает. Однако сейчас мне могла помочь только музыка.

Мама не любила то, что я слушаю. Катька мне как-то дала пару кассет. На одной был «Blackmore's night», который я сразу полюбила, а на второй «Король и Шут». Однажды мама увидела, что я слушаю плеер и, подойдя ко мне, выдернула наушник из уха, чтобы послушать самой. К счастью, я в тот момент слушала «Blackmore's night», поэтому она просто кивнула и, поворчав, что есть нормальная музыка, а не это говно, ушла. Если бы в плеере был «КиШ», то одной проповедью я бы не отделалась.

Поэтому музыку я предпочитала слушать либо ночью, когда в мою комнату точно никто не войдет, либо в те моменты, когда была одна дома. Правда чаще всего меня пробивало на слезы, когда я слушала музыку. Особенно «Blackmore's night». Красивые мелодии и мягкий вокал выворачивали ду-

шу наизнанку похлеще всяких дневников, а я, даваясь следами, беззвучно шевелила губами, подпевая белокурой Кэндис.

Вздыхнув, я достала плеер, воткнула в уши наушники и нажала на кнопку. А потом закрыла глаза и унеслась в свои фантазии.

Вечером мама меня снова ударила. Большой ложкой, которой поливала жиром мясо в духовке. Моя вина. Я должна была следить за мясом, но задумалась о своем и чуть не спалила его. Когда мама влетела на кухню, я сидела за столом, уча стихотворение, которое задали на дом по литературе. Её не остановило, что я делала уроки. На меня сразу обрушился шквал говна.

– Блядь, Настя. Ты тупая? – заорала она, выключая плиту и беря со стола прихватку. Вытащив противень, мама скрежетнула зубами и, развернувшись ко мне, вlepила подзатыльник. Я не успела сгруппироваться и поэтому ударилась лбом об книгу. Хорошо хоть книга смягчила удар. Об стол было бы больше.

– Мам...

– Хули, «мам»?! Я тебе что сказала? За мясом следить! А ты ебалом щелкаешь, как и всегда. Чуть не сгорело. Свинины хорошей сейчас хрен найдешь, отец вон постарался, принес...

– Настя – блядь, – прогудел из коридора Матвей. Правда

он сказал это тихо. Знал, гаденыш, что мама может и ему леща дать.

– Чего сидишь? – снова рявкнула она. – Тарелку давай. Сейчас сгорит все. Господи, ну что за бестолочь, а?

– Прости, мам, – виновато ответила я, шмыгнув носом. Но вместо прощения получила наказание. Мама схватила ложку, которой поливала жиром мясо, и, размахнувшись, врезала мне ей по лицу. Капли жира брызнули на стены, на стол и на книгу, которую я не успела убрать. В глазах тут же блеснули слезы, но маму они лишь раззадорили.

– Не думает голова, расплачивается жопа, – фыркнула она. – Нечего тут сырость разводить. Хорошо, что я успела.

– Я уберу, – тихо сказала я, беря противень и ставя его в раковину. Мама покачала головой и вышла из кухни. Я закусил губу, чтобы не разреветься и взяла в руки тряпку. А затем, вздохнув, включила холодную воду и принялась мыть грязный противень, счищая ногтями пригоревшее мясо.

– Бестолочь, – протянул Матвей. Он больно ущипнул меня за задницу, а когда я развернулась, показал мне язык. Не знаю, чем я думала, но внутри будто что-то лопнуло. Я размахнулась и стеганула ублюдка тряпкой по руке. За что сразу же поплатилась.

Пока вся семья ужинала на кухне, я стояла в углу на коленях. Сердце ходило ходуном, в груди горела обида, а под майкой наливались кровью ссадины, оставленные ремнем. Мама не церемонилась и, когда воющий Матвей бросился к

ней, схватила первое, что попало под руку. Ремень отчима. Широкий, плотный, тяжелый. С большой металлической бляшкой. От этой бляшки кожа вспучивалась, потом краснела и чуть ли не лопалась. Но боль от обиды была сильнее.

Я промолчала, когда пробежавший в свою комнату Матвей вытер об мою майку грязные руки и украдкой саданул кулаком в шею. Я промолчала, когда мама в очередной раз проходя мимо, задела меня бедром, словно меня не было. Я промолчала, когда отчим, не обращая внимания, включил телевизор и уселся в кресло слева от меня. Я промолчала, как и всегда. Стоит мне ответить, как приходит боль.

Мне разрешили покинуть угол только перед сном. Естественно, ни о каком ужине и речи не шло, да я и не хотела. Дождавшись, когда мама пойдет укладывать братьев, я быстро забежала в туалет и включила горячую воду. Стянула с себя майку, повернулась и, посмотрев в зеркало, скривилась. На спине отчетливо виднелись бурые, отливающие синевой полосы.

Вздыхнув, я сначала застирала в холодной воде майку, а потом замочила её в тазу. Вытащила из стопки чистого белья, которое еще не успела убрать, новую майку и отложила её в сторону. Включила горячую воду и вымыла голову, изредка морщась от боли, когда горячая вода попадала на спину. И лишь после этого, обмотав голову полотенцем, позволила себе тихо поплакать.

Я долго не могла уснуть. Горела спина, гудела голова, болело сердце. Я слышала храп отчима и сопение мамы. Они спали, а я зависла во тьме, не чувствуя кровати. Была только боль. Тупая и ноющая.

Встав с кровати, я на цыпочках подошла к двери и осторожно её закрыла. Затем наощупь нашла выключатель ночника и включила его. Желтый свет больно резанул по глазам, но я резко вытерла слезы и села за стол. Выдвинула шкафчик, убрала фальшивое дно и вытащила тетрадку с ручкой.

Мысли бешеным потоком крутились в голове, а я пыталась связать их воедино. Боль, обида, ненависть, ярость... страх. Они просились наружу, просились вырваться из плена, и я отпустила их. Ручка забегала по бумаге и кривые буквы начали складываться в слова. Слова в предложения. Предложения в то, что я так отчаянно пыталась скрыть от самой себя.

Я посмотрела на лампу и мотнула головой. Катка была права. Надо писать. Писать обо всём, что со мной творится. Честно и правдиво. Не боясь, что кто-то найдет эту тетрадь и прочтет, что в ней написано. Сейчас мне было плевать. Я просто хотела хоть с кем-нибудь поделиться своей болью. И пусть это обычная тетрадка в темно-синей обложке.

Успокоившись, я глубоко вздохнула, сосчитала до десяти, разгладила лист и, наклонившись, написала.

«За что меня так ненавидят»?

Глава третья. Изменения.

В девяносто восьмом году по нам ударил дефолт. Поначалу мама и отчим хорохорились, пытались шутить и говорили друг другу, что справятся. Я как раз перешла в девятый класс, но их тревог еще не понимала. Вот Катьке и её семье было худо. Зарплату, которую задерживали на заводе, вообще перестали платить и Катькиной маме пришлось тащить на блошинный рынок вещи из дома, чтобы было на что купить еды.

– Хуево, что еще сказать, – буркнула Катька, когда мы после линейки и уроков отправились за угол школы. Она закурила сигарету и, вздохнув, меланхолично пожала плечами. – Но что делать. Мамка пошла работать, я тоже пойду.

– Школу бросишь? – удивилась я. Катька поперхнулась дымом и рассмеялась.

– Не, ты что. Ну, брошу и что это даст? На трассу идти стоять и дальнобоям огрызки полировать? Девчонка одна в музыкалке предложила после школы газеты продавать. Но я, наверное, к Лёшке в цех пойду. Им в столовку помощник повара нужен.

– Блин, фигово, – расстроилась я, поняв, что Катьку теперь буду видеть редко. Но та, словно угадав мои мысли, хлопала по плечу.

– Выше нос, родная. Там два дня только работать. У меня

ж музыкалка еще. Так что не бзди. Будем видеться.

— Ага, — хмыкнула я, не понимая, что дефолт и безработица коснется меня.

Через два месяца, в ноябре, отчима выгнали с хлебзавода. Он попался на том, что таскал муку. Его, как и многих, сгубила жадность. Он и двое других работяг из цеха решили не мелочиться и ночью загнали на территорию завода машину, чтобы набить её заранее припасенной мукой. Их накрыли сразу, как только машина покинула завод, ну а утром помятый дядя Игорь вернулся домой и сказал, что его уволили. Начальство решило не подавать заяву в милицию. Учли его заслуги, да и сами понимали, что не от хорошей жизни рабочие стали тянуть муку с завода, поэтому дело спустили на тормозах.

Поначалу он, как и прежде, хорохорился, а потом запил. Вместе с мамой. Они сидели на кухне, звенели стаканами и негромко разговаривали. Порой это продолжалось до утра. Только мама быстро выбралась из депрессии, а вот отчим нет-нет, да припадал к бутылке, а потом долго буравил мутным взглядом стену, размышляя о своей судьбе.

Сначала мне казалось, что ничего толком и не изменилось. Обеды и ужины были обильными. Братья завтракали бутербродами с колбасой и сыром, а мама, задрав подбородок, снисходительно слушала соседок у подъезда, которые делились своими переживаниями.

Потом появилась нервозность. Мама начала вспыхивать, как спичка, по любому поводу. Иногда доставалось и младшим братьям. Пусть словесно и не так жестко, как мне, но доставалось. Отчим пил водку на кухне, листал газету с объявлениями и, тяжело вздыхая, откладывал её в сторону, после чего закуривал папиросу.

В школе учителя постоянно мне говорили о том, что я курю. Но я не курила. Табаком провоняла вся моя одежда, волосы и, казалось, даже кожа. Я начала мыть голову утром, перед школой, но это не спасало. Вонь намертво впечаталась в меня и, если бы я по-настоящему закурила, никто об этом не догадался.

К домашним обязанностям добавился еще и отчим. Он стал неряшливым, мог неделю ходить в одном и том же белье, а я, сдерживая рвотные позывы, стирала его засранные трусы и носки. После школы, я кормила не только братьев, но и его, а дядя Игорь, как сидел на кухне, смоля папиросы, так и продолжал сидеть, размышляя о своей собственной глупости, приведшей его на дно. Но однажды он все-таки подал голос. Я как раз мыла посуду, пока семья обедала. Я всегда ела после них, потому что места за столом мне не хватало.

– А чего б Настьке работать не пойти? – задумчиво спросил он, выпуская в форточку вонючий дым. Я замерла с мокрой тарелкой в руке и, повернувшись, удивленно на него посмотрела. Отчим кашлянул, оценивающе осмотрел меня и добавил. – Кобыла вон какая вымахала.

– Кто её куда возьмет, – махнула рукой мама, потягивая кофе. – Бестолочь. Дома-то с трудом справляется.

– На мясокомбинат бабы нужны, – ответил отчим, чиркая спичкой. Кухня снова потонула в клубах дыма, а Матвей демонстративно закашлялся. – Пельмени лепить.

– А мужчины не нужны? – тихо спросила я и вздрогнула, когда поняла, что сморозила. Отчим нахмурился и сжал кулаки, но я боялась другого. Что мама сейчас встанет и накажет меня. Однако она промолчала и задумчиво глотнула кофе.

– Мужиков там своих хватает, – буркнул он. – Хрен сгнишь оттуда. Мясо таскать можно, зарплату вроде платят без задержек. Да и устроиться туда сложно, если у тебя пизды нет.

– Пизды нет, – хохотнул Матвей, проливая суп на пол. – А Настя – блядь. У Насти есть.

– Мотя, ну что ты, – пожурила его мама, а потом повернулась ко мне. – Вытри. Отец дело говорит. Туго нам сейчас, доча...

Я поперхнулась и вытаращила глаза, когда до меня дошел смысл сказанного. Нет, меня не удивило, что меня гонят на работу. Удивило другое. Мама уже давно не называла меня дочей. Кажется, она и сама поняла, что сболтнула лишнего, потому что поджала губы и зло посмотрела на меня. Вздыхнув, я отвернулась и продолжила мыть посуду, чувствуя ко-

жей прожигающие меня взгляды. Я, как обычно, не понимала, что за меня уже всё решили. Слова, сказанные отчимом, заставили маму задуматься.

Сначала намеки были прозрачными. То утром на кухонном столе обнаружится газета с объявлениями, раскрытая на странице «Работа». То отчим невзначай обмолвится, что в ПТУ нужна уборщица на полставки. То мама начнет тяжело вздыхать, подсчитывая оставшиеся в кошельке деньги. Прямо мне никто и ничего не говорил, но я знала, чего они хотят добиться. Сопротивляться помогала лишь усталость. Я понимала, что если буду работать после школы, то скоро сдохну. Свернусь калачиком в своей постели и больше не проснусь. Только мама этого не понимала. Хотя бы поняла, что одними избиениями своего не добьется.

В девятом классе стало полегче. Может виной всему дефолт, а может мама просто постарела, но била она меня не так часто. Только за серьезные проступки, а за мелочь ограничивалась подзатыльниками и оскорблениями. Но я, на самом деле, была благодарна судьбе за это.

Вдобавок к этому я наконец-то стала самостоятельно делать домашку. Мама сосредоточилась на Матвее, который учился абы как, отчиму на меня было плевать, поэтому я спокойно решала уравнения, готовила доклады или читала книги, не боясь, что на затылок опустится мамина рука и раздастся ругань. Я не знаю, как она не отбила у меня тягу к знаниям, хотя, как мне всегда казалось, очень старалась это

сделать.

Больше всего я не любила математику, а потом пришел черед и алгебры. Не потому, что ничего не понимала. Потому, что мама контролировала, как я решаю примеры и задачи. Стоило сделать одну ошибку, как сразу же следовал подзатыльник. Сильный и неожиданный. На тетрадный лист черновика капали первые слезы, а к концу вся тетрадь размокала. Даже чистовику доставалось, если я случайно делала ошибку или пометку.

Объяснять мама не умела. Задачи она находила смехотворно легкими и ожидаемо бесилась, когда я не могла их решить. Вместо разбора и объяснений следовал удар. К концу занятий с мамой я уже ничего не понимала. Казалось, что дай мне детскую задачку, я и её не смогу решить.

Мама злилась, когда я начинала плакать. От боли, от обиды, от отчаяния. Удары становились такими сильными, что я буквально билась головой об стол.

– Икс в квадрате минус четыре равно нулю, – зачитывает мама. Затем делает паузу. Я чувствую горячее дыхание на своей шее, тупо смотрю в учебник и пытаюсь решить. Но боюсь. Боюсь, что сделаю что-то не так и получу подзатыльник. – Ну!

– Нужно... – язык гуляет по пересохшим губам, а голова занята не уравнением, а ударом, который обязательно случится.

– Ну? Что нужно? – мама начинает терять терпение. Но

это только цветочки. Мы только начали делать домашку. Дальше будет хуже и я знаю это.

– Нужна формула?

– Какая формула?

– Для нахождения корней?

– Ты меня спрашиваешь или ты знаешь?

– Знаю... – мямлю я, втягивая голову в плечи. И прилетает подзатыльник. За то, что я трачу мамино время.

– Господи, да решай ты уже! – рывкает она. – Простое же уравнение, сука!

Я записываю на листочке решение, с надеждой смотрю на маму и вижу, как в её глазах бесятся черти. Неправильно... Удар, боль, обида и слезы, падающие на листок бумаги.

– Неправильно, бестолочь! – кричит мама, заставляя меня скукожиться. В висках пульсирует боль, закушенная губа кровоточит, наполняя рот железным привкусом. – Ты тупая, сука?

– Нет, – дрожа, отвечаю я.

– Тупая! Все же просто! – отвечает она и, схватив ручку, подвигает к себе листок. Затем, нервно чиркая ручкой, решает уравнение. – Вот! Просто! Поняла?

– Да, – вру я, но мама на этом не успокаивается. Она кивает на учебник. Осталось еще пять уравнений, которые мне надо решить.

Закончив с алгеброй, я достаю из рюкзака другие учебники. Русский язык, физика, химия... А мама сидит рядом и

ждет, когда я решу, чтобы все проверить. К концу занятий голова раскалывается, глаза болят, а сердце неровно бьется в груди. Но я понимаю, что это еще не конец.

Когда мама уходит укладывать спать братьев, я снова открываю учебник по алгебре и пытаюсь понять тему. Несмотря на боль, слезы и раскалывающуюся голову. Потому что знаю, если не пойму, то завалю контрольную и получу двойку. А если получу двойку, то буду зубрить весь учебник алгебры наизусть, а потом меня отлупят ремнем и привяжут на ночь к батарее. Потому что я – тупая сука, неспособная понять «простые» уравнения.

В девятом классе мама оставила меня в покое и уроки проверяла изредка. Разве что по-прежнему орала, если я получала тройку. Ну а если двойку... то меня ждал кошмар. Мама не делала различий по предметам. Я должна была хорошо учиться по всем. Включая музыку, труды и физкультуру.

Если же я вдруг получала двойку, то сразу же бежала к учителям и со слезами на глазах просила дать мне шанс исправить прямо сейчас, пока двойка не попала в дневник. Кто-то шел мне навстречу и позволял её исправить, а кто-то занимал принципиальную позицию и дома меня ждал Ад. Лишиться ужина и простоять в углу всю ночь – это было самым легким наказанием. Обычно к этому добавлялась боль.

За первую двойку меня отлупили ремнем. Мама специ-

ально намотала его на руку так, чтобы свисала бляшка. До сих пор помню эту бляшку, как и мое тело, на котором красовались шрамы, оставленные ей. Металл рассекал кожу, оставлял уродливые гематомы и ломал мою душу. Смешное, как и грустное, было в том, что двойку я получила за залившую слезами тетрадь. Поэтому мама так злилась, если я плакала во время работы над домашкой.

Потом к ремню добавились и другие наказания, о чем мне больно вспоминать до сих пор. Мама могла затащить меня в ванную, включить холодный душ и поливать ледяной водой, пока я истерично рыдала, пытаюсь выбраться из ванной. Она могла разорвать мои любимые книги, считая их виной за то, что я получаю плохие оценки. Это приучило меня хорошенько прятать личные и ценные вещи. Однажды мама выгнала меня на балкон. Все бы ничего, но на улице был мороз. Не такой сильный, к моему счастью. Когда она соизволила меня впустить в квартиру, я была на грани обморока, а потом слегла с пневмонией. Отлежаться мне дали только три дня и как только температура немного спала, заставили вернуться к домашним обязанностям. Хоть контакты с братьями запретили и то хорошо. Но даже тогда, горя от температуры в своей кровати, я все равно старалась найти оправдания маме. И самое страшное в том, что находила их.

– Уроки сделала? – спрашивала мама вечером, когда укладывала мелких спать и заходила в мою комнату.

– Да, мам, – отвечала я, откладывая книгу в сторону.

– Проверять надо?

– Я все сделала. Правда, – бледнела я. Мама давно научилась читать меня, поэтому знала, когда я говорю правду, а когда вру. Она хмыкала, кивала и уходила спать. Но стоило получить двойку, как совместная работа над домашкой сразу же возвращалась. К счастью, как только я перешла в девятый класс, то двойки почти не получала. Я не собиралась терять такой подарок, поэтому старалась получать только хорошие оценки. Учителя хвалили меня за усердие и ум, вот только они не знали, какой была цена.

Во вторник, третьего ноября девяносто восьмого, когда я проснулась и зашла на кухню, то удивленно вздрогнула, увидев там маму и отчима. На столе стояла пустая бутылка, два стакана, тарелка с нехитрой нарезкой, которую почти всю съели, и, конечно же, газета объявлений. Воняло перегаром и потом, не справлялась даже открытая форточка.

Мрачный отчим злобно на меня посмотрел, а потом отвернулся, словно я сделала что-то не то. Мама тоже была помятой и поморщилась, когда я поставила чайник на огонь и пошла умываться. Ну а когда я вернулась, то пришлось готовить завтрак на троих. Мама запрещала мне пить кофе, говоря, что я легковозбудимая, а сейчас сама подвинула мне банку.

– Насть, у нас с деньгами туго, – без лишних предисловий

сказала мама. Отчим чуть покраснел и опустил глаза, но я уловила мимолетную улыбку. Я промолчала и сделала глоток кофе. Мама прищурила глаза и в них блеснул злой огонек. – Скажешь что-нибудь или тебе настолько насрать на семью?

– Нет, мам. В смысле, я знаю, что денег нет.

– Знать мало, – хмыкнула она. – Вчера серьги в ломбард сдала. Скоро детей кормить нечем будет.

– Я могу газеты пойти продавать, – набравшись смелости, ответила я. Мама покачала головой. – Катькина подружка их продает, говорит, что можно немного заработать.

– Немного нам не надо, – фыркнул отчим. Его язык заплетался, а глаза были мутными. Он с трудом пытался на мне сфокусироваться. – Новый год вон скоро, у пацанов обувь прохудилась, да и у тебя вон экзамены на носу. Подмазать надо, сама понимаешь.

– Я могу сама экзамены сдать... – мама, услышав это, хрипло рассмеялась. Обида заворочалась в груди, но я её удержала. Впервые мама разговаривала со мной на равных. Тогда мне так казалось.

– Сама, ха! Слышал? – она повернулась к отчиму и снова захохотала. Правда, утерев глаза, вернула серьезность. – Я бабке вчера звонила. Соседка её тебя на мясокомбинат устроит. Не лупи глаза! На полставки. Ну и в ночь иногда, если надо.

– Мам, у меня же школа, да и дома... – я снова не договорила, потому что мама хлопнула ладонью по столу.

– Надо! – жестко ответила она. – Ты вон жила, как сыр в масле каталась, пока отец работал. Книжки тебе, одежда, ела за одним столом. А теперь выебываешься?

– Ненадолго это, – вставил отчим. – Встану на ноги, работу найду. Туго сейчас, Настюха. Помочь надо. Я б и сам пошел, да не берут.

– А тебе самой как? Семья последний хуй без соли доедать будет, – устало буркнула мама, а потом рыгнула, заставив меня поморщиться. – Так хоть работать пойдешь, денег и себе, и нам заработаешь...

Мама никогда не врала, но я все равно не поверила собственным ушам. Неужели у меня будут карманные деньги? Даже у Катьки были, как и у моих одноклассников. Одна я с тоской смотрела, как они покупают себе сосиску в тесте в столовой. Школьные сосиски были такими вкусными, что сметались с подноса сразу же, стоило поварам их выставить. Но денег на них у меня не было, потому что деньгами завела мама и она решала, что мне купить.

– Себе? – осторожно переспросила я. Мама кивнула. – Хорошо, мам.

– Тогда одевайся. Поедем на мясокомбинат. Как раз на сегодня договорились встретиться. В школу я потом записку напишу, – я пропустила мимо ушей её слова, а если бы немного подумала, то поняла. Поняла, что все равно пойду работать, даже если откажусь. Выбора меня лишили еще в утробе.

Мясокомбинат мне не понравился. Еще в холле я почувствовала запах крови и мяса.

Мы с мамой сидели неподалеку от входа, у двери с табличкой «Отдел кадров», и ждали, когда нас вызовут. Мимо туда-сюда сновали люди. Все, как один, с усталыми и суровыми лицами, согнутыми спинами и потухшими глазами. Кто-то из них шел с работы, а кто-то на работу. Даже женщины были такими: крепкими, усталыми и не улыбочивыми.

– Настя? – спросила толстая тетка в синем платье и голубой теплой жилетке. Когда я кивнула, она мотнула головой и пригласила внутрь. Мама пошла со мной, на что тетка возпросительно подняла бровь и хмыкнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.